

МИНУВШИЙ сезон отличается обостренным вниманием многих литовских драматических театров к проблемам современной жизни, к современной пьесе. Более трети премьер прошлого сезона — постановки пьес литовских авторов. Какие же спектакли поразили на себя внимание своей гражданственностью и художественным своеобразием? Это прежде всего постановки оригинальных пьес: последний вариант спектакля по роману И. Авижюса «Потерянный кров» в Академическом театре драмы, «Бебенчюкас» К. Куолинскаса, мюзикл «Загонщики огня» писателя Л. Ядмивичюса, С. Шальтяниса и композитора Г. Купрявичюса и спектакль «Уходи, смерть, уходи прочь» С. Шальтяниса, удачно завершивший творческую работу главного режиссера Молодежного театра Д. Тамулевичюте в минувшем сезоне. Из произведений драматургии братских республик выделяются «Протокол» А. Гельмана, а классика — возобновление пьесы «На дне» М. Горького.

В лучших спектаклях, поставленных А. Рагаускайте, Д. Тамулевичюте, И. Бучене, Н. Огай, ощущается интенсивный идейный и художественный поиск, и одновременно — сдержанность в отборе выразительных средств, стремление к гармонии разума и чувства.

Если несколько лет назад литовские пьесы путались с одной сцены на другую, и не всегда можно было понять, почему тот или иной театр поставил эту, а не ту пьесу, то ныне в отборе драматических произведений более ясной, гражданственно целенаправленной стала позиция театров, эстетические критерии формирования национального репертуара (о чем свидетельствует и состоявшийся весной республиканский фестиваль постановок литовской драматургии в Шяуляй).

Теперь уже не трудно понять, почему А. Рагаускайте, начавшая в свое время «Яктарной пикцей» Э. Межелайтиса в Молодежном театре, после перерыва обратилась к постановке «Взлетелина» В. Милолайтиса-Путинаса, «Как

цветение вишни» Саломея Нерис и, наконец, к произведению Б. Сруога «Прижорский курорт» (за эти постановки режиссер удостоена Республиканской премии 1976 года). В «Прижорском курорте» идея поэтического театра, выдвинутая в свое время Б. Сруогой, слилась с острыми гротескными ритмами, сценическая метафора — со скульптурной формой античного представления.

Можно понять, почему и Д. Тамулевичюте обратилась к поэме К. Кубилинскаса «Бебен-

чиюс» пьесы С. Шальтяниса, истинно современным, глубоким взглядом на жизнь, сложными человеческими взаимоотношениями. Грубоватый, ослепляемый быт, острый юмористический взгляд на вещи не разрушил, а, наоборот, ярче вывел поэтическую приподнятость, лирикообразное начало спектакля, которые хорошо уловили и актеры, и художник Г. Кличюс.

Энергичная режиссерская рука Д. Тамулевичюте ощутима и в работе с актерами. На-

М. Горького. Мы встретились с актерами — старыми знакомыми, ныне продемонстрировавшими истинную художественную зрелость в раскрытии горьковских образов (Ю. Ригертас — Васька, М. Растейкайте — Настя, Г. Кураускас — Актер, С. Юнка — Барон и др.). Увидели и новых исполнителей. Особенно хочется отметить Сатина в исполнении В. Томкуса, создавшего поистине многогранный образ без ненужной прищипанности и пафоса.

режиссера И. Вайткусса наиболее силен, пожалуй, тем, что вся художественная структура спектакля, точно найденная И. Вайткуссом, воссоздает атмосферу личности и творчества Чюрлениса, хотя сам образ его отсутствует. На спектакле истинно таежное ощущение сопричастности к творчеству художника, чувство, что ты соприкасаешься с его личностью, живой и реальной. Этому способствует отличное комбинирование грубых сцен, образное мизансценирование, выразительность театральной метафоры, единство режиссерского замысла с музыкой композитора Г. Кулявичюса и сценографией Я. Малинаускайте. Однако местами ощущается и некоторая перегрузка, перенасыщенность образной системы спектакля, когда начинает казаться, что режиссер хотел втиснуть в один спектакль все, что только возможно и невозможно.

Спектакль клапедчан сложен, прежде всего, образом самого Чюрлениса, который создал Б. Бараускас. Актер порадовал новыми гранями своего дарования. Образ Чюрлениса воссоздается с присущими его гению многомерностью и глубиной, поэтической приподнятостью и почти торжественной сдержанностью. Режиссер П. Гайдис сосредоточивает внимание на трагическом мимовении его жизни, которое художник переживает, конфликтуя с окружающим миром, с близкими и, прежде всего, с самим собой. Жаль только, что оба партнера Чюрлениса (актеры Г. Андриюконис и В. Паукаште), которые призваны стать вторым «я» героя, выразителями драматических сомнений, чрезмерно материализированы в сравнении с персонажем Б. Бараускаса, что приземляет и философский смысл всего спектакля.

Эти замечки не ставят себе целью говорить о всех спектаклях и тенденциях минувшего сезона. Хотелось лишь коснуться некоторых особенностей формирования репертуара и режиссерского творчества, которые, на наш взгляд, являются перспективными.

М. ПЕТУХАУСКАС,
кандидат
искусствоведения.

ЛИЦО К СОВРЕМЕННОСТИ

ЗАМЕТКИ О МИНУВШЕМ СЕЗОНЕ В ЛИТОВСКИХ ТЕАТРАХ

чюкас», ощутив в ней широкие возможности импровизационных игр и сценической фантазии, столь необходимые для нашего детского спектакля, в последнее время редко радуясь свежести своего искусства. Дальнейшие поиски современных проблем, волнующих молодежь, близких ей, посредством выразительности, привели к импровизационной стихии мюзикла с характерными для него иронией и даже сарказмом. Импровизация и гротеск, знакомые литовскому театру во времена Б. Даугутиса и сатирического театра «Вилколаюс», ярко блеснувшие в свое время на клапедской сцене в спектаклях режиссера П. Гайдиса («Король Олень» К. Годиц, «Баня» В. Мажоскино, «Политлот» и «Абстинент» К. Сан), по-иному трансформировались в спектаклях минувшего сезона «Загонщики огня» и «Уходи, смерть, уходи прочь» на молодежной сцене. В последнем спектакле они слились со своеобразными поэтическими и народными литова-

долго запомнились такие образы, как Андриус А. Сторпиршиса, его отец Штас в исполнении С. Сипайтиса, Дедушка — Р. Вилкайтис, Люка — Д. Оверайте, Каминскас — К. Сморгитинас («Уходи, смерть, уходи прочь»), Моника — Д. Сторик, Юлюс — С. Сипайтис и Роландас — В. Багдонас («Загонщики огня»). Среди новых спектаклей значительными актерскими работами выделяется «Протокол» («Заседание партия») А. Гельмана в постановке И. Бучене. В Академическом театре родился идейно зрелый спектакль с четко выверенной режиссерской концепцией. После длительного периода неудач и полудач снова блеснул своим искусством актер И. Кавалюскас («Батарея»). Яркие и другие образы в «Протоколе» — Комлев (В. Томкус), Мотрошило (С. Носевичюте), Айзугуляни (Ю. Машаускас), Любаев (П. Зулукас).

С. Носевичюте весьма удачно возобновила «На дне»

Не очень повезло в этом сезоне спектаклям для детей «взрослых» театрах. Одни театры вообще не уделяли им должного внимания, в других они оказались весьма слабыми. Ведь для детского спектакля нет ничего опаснее, чем скука, отсутствие фантазии, остроумия. Этим грешил спектакль по пьесе «Двенадцать братьев-воров» С. Чюрлениса в Шяуляйском театре. Молодой режиссер Р. Степонавичюте не нашел для сказки единого сценического решения: герои чрезмерно обывательны, а это противоречит фольклорно-поэтической основе пьесы.

Каунасский и Клапедский театры добились успеха, впервые попытавшись воплотить на драматической сцене тему и образ Чюрлениса. Постановки «Пилигрим мечты» Э. Игнавичюса и И. Вайткусса и «Под знаком Весов» Ю. Глиньскиса вызвали большой зрительский интерес, даже сломы. Это два очень разных спектакля, «Пилигрим мечты» на каунасской сцене в постановке молодого